

УДК 159.9

ГРНТИ 15.81.29

НА ПУТЯХ К ПОЛИТЕХНИЗМУ¹

© 2024 г. П.П. Блонский

*заведующий научно-педагогической частью
Академии социального воспитания,
член научно-педагогической секции
Государственного ученого совета (Москва)*

В данной статье² речь идет о первых десятилетиях советского народного образования. Сразу после революции 1917 г. российская школа стала перестраиваться в трудовую школу. Назначенные инструктора и лекторы педагогических курсов не совсем понимали, что это такое, и пропагандировали активный метод и иллюстративную школу, отличавшиеся от старой школы методами обучения, большей самостоятельностью учеников и рисованием; это было хорошо, но жизнь требовала большего. Передовые учителя стремились к трудовой школе и пытались ввести труд, но только бытовой, т.е. «самообслуживание». Марксистски настроенная часть учительства прекрасно понимала, что труд в советской трудовой школе должен быть общественно-полезным производительным трудом, к тому же 1920-е гг. были годами укрепления и развития трудовой школы, после них оказалось возможным перейти к постановке политехнической трудовой подготовки в массовой школе. С начала 1930-х гг. школа энергично политехнизировалась, получила новые программы по труду, хотя в начале они были несовершенными. Причинами этого были непрофессиональные инструкторы в школе по труду (как правило, бывший кустарь, слабо ориентирующийся в современном крупном производстве, в современной технике), или не прошедший специальное обучение классный учитель, малознакомый с конкретным содержанием современной техники, с соответствующими работами специалистов. Задачей учителя стало: учиться технике и технологии у научных авторитетов в этой области, потом эти знания передавать детям, а не самому творить технологические обобщения; он должен был решить основную проблему — организовать политехническое образование.

¹ Впервые опубликовано: Блонский П.П. На путях к политехнизму // На путях к новой школе. 1932. № 9-10. С. 2-6.

² Аннотация и ключевые слова к статье П.П. Блонского составлены Н.Ю. Стоюхиной.

Ключевые слова: трудовая школа, политехнизм, ручной труд, школьная программа, инструктор по труду, учитель.

I

До Октябрьской революции широкие массы учительства, очень мало что знали о трудовой школе. Только сравнительно небольшая передовая по тогдашнему времени часть учительства кое-что читала о ней. Больше всего из соответствующей литературы были в ходу «Школа действия» Лая, «Трудовая школа» Кершенштейнера и те статьи, которые печатались в журнале «Свободное воспитание».

Но Октябрьская революция выдвинула совершенно иное понимание трудовой школы, то, которое мы находим у Маркса и Энгельса и в резолюциях I Интернационала, и с которым русское учительство впервые познакомилось из статей Н.К. Крупской. Не только широкие массы учительства, но даже более квалифицированное учительство только теперь услышало о политехнической школе. Притом то, что оно услышало, было не простым собранием теоретических педагогических тезисов, но директивой к педагогическому действию, практическим требованием.

Чтобы осуществить это требование, нужны были три условия: желание, знание и материальные предпосылки. Последних в годы гражданской войны, конечно, не было, и потому эти годы скорее были годами выяснения того, что надо понимать под политехническим образованием и отдельных практических опытов, как в распространенных тогда опытно-показательных школах, так отчасти и в массовой школе.

И выяснять было что. В учительской среде говорилось не так о политехническом образовании, как просто о трудовой школе. Вышедшие из этой среды многочисленные инструктора и лекторы курсов пропагандировали то, что они читали в «Школе действия» Лая, «Американской школе» Янжул и тому подобных книгах. В конце концов это был так называемый активный метод и иллюстративная школа. Разрыв с старой школой шел по линии изменения методов обучения в сторону большей самостоятельности учеников и увлечения рисованием, а не по линии введения в школу труда. Это был путь, наиболее подготовленный предшествовавшим педагогическим опытом и наиболее

соответствующий тогдашней политической физиономии учительства — буржуазно-демократической, а не марксистской. Идя по этому пути, учительство сильно обновляло свои методы, но Октябрьская революция требовала, конечно, несравненно большего.

И тогдашнее передовое учительство, то, которое было революционно настроено по отношению к старой школе, понимало это. Оно стремилось к трудовой школе и для этой цели пыталось вводить в школу труд. Но школьных мастерских тогда не было, крупная промышленность переживала разруху. Оставался бытовой труд. Так возникло увлечение «самообслуживанием». Оно питалось также тогдашней экономической ситуацией, когда рвалось много экономических связей, и в голове мелкобуржуазного демократа, плохо разбиравшегося в современности и социализме, иногда зарождалась мысль о самодовлеющем хозяйстве. Оно питалось и демократическими настроениями, резко критиковавшими белоручничество и прославлявшими трудовые мозоли.

В этом своеобразном школьном опрощении немалую роль сыграло влияние толстовской педагогики. Конечно, учителя в массе не были толстовцами, но они приобретали знакомство с трудовой школой в сильной степени из статей журнала «Свободное воспитание», а этот журнал находился под очень большим влиянием толстовской педагогики и, в частности, идей свободного воспитания. Так, в голове учительства несколько неожиданно идеи трудовой школы соединялись отчасти с идеями свободного воспитания. В педагогике труда это сказалось, помимо увлечения самообслуживанием, в увлечении свободным творчеством детей.

Так революционно настроенный по отношению к старой школе мелкобуржуазный демократ освобождал себя и детей от ее рутины и мечтал ликвидировать белоручничество в стране трудящихся. Его путь вел к разрушению старой школы, но в то же время вел к анархии, а не к социалистическому строительству. Идеи свободного воспитания начинали играть немалую роль в происходящей школьной разрухе. Они мешали строить советскую трудовую школу. Больше того: все больше и больше они служили защитным цветом для тех, кто хотел быть свободным и от марксистской педагогики, от обязательства строить школу коммунистического воспитания.

Марксистски настроенная часть учительства прекрасно понимала, что труд в советской трудовой школе должен быть общественно-полезным производительным трудом. Она прекрасно понимала также общественные задачи школы, состоявшие в том, чтобы готовить нужных советской социалистической республике работников. С этой точки зрения она смотрела и на труд в школе, но в чем должна состоять трудовая подготовка в единой школе? Слабо тогда еще развитая крупная индустрия и отсталая машинная техника питала настроения в пользу ручного труда и узко профессиональной выучки. На «индустриалистов» смотрели как на утопистов и, опровергая их, ссылались на деревню и кустарей. В менее квалифицированных педагогических кругах начинали поговаривать о Кершейштейнере. Более квалифицированные, чья квалификация не мешала им отражать в своих педагогических взглядах техническую и экономическую отсталость страны, стали противопоставлять политехнизму «монотехнизм». В.И. Ленин своими высказываниями о политехническом образовании положил конец этой дискуссии. С тех пор советская педагогика стоит перед задачей разрабатывать марксистско-ленинское понимание политехнического образования.

«Труд» как рисование и лепка, и трудовой метод как средство усвоения учебного материала; самообслуживание и труд как преимущественно ручной труд; свободное трудовое творчество и узко профессиональная «монотехническая» трудовая выучка — все это осталось уже давно позади как материал для истории советской трудовой школы.

II

Восстановительный период был восстановительным периодом и для советской школы. Восстановленная после годов гражданской войны школа получила новые программы, коренным образом изменившие прежнее содержание даваемого школой образования. В этих программах «трудовая деятельность людей» была, по замыслу, центральной колонной, стержнем. Но на деле, как говорили злые языки, труд отсутствовал, точнее, не был на первом плане. Уроки труда как труда были лишь в меньшинстве школ, так как школьные мастерские не являлись еще распространенным

явлением в школе. Но даже там, где они были, между ними и научными занятиями связи почти не было: практиковался ручной труд в виде голых трудовых навыков. Местами под эту базу пытались подвести теоретическую базу, рекомендуя школе усвоить цитовскую методику или «рефлексологически» обосновывая механическую трудовую дрессировку.

Но и на классных уроках учитель, очень слабо знакомый с техникой, обыкновенно обходил трудовые темы, заменяя их природоведческими или, чаще всего, обществоведческими. Трудоведение в фактической школьной практике было представлено слабо, а поскольку было, сводилось к разговорам и в лучшем случае — к экскурсиям.

И тем не менее, эти годы — годы «гусовских программ» — были годами укрепления и развития трудовой школы, и недаром после них оказалось так легко перейти к постановке политехнической трудовой подготовки в массовой школе. Выше на примере различных «уклонов» в педагогике труда в годы гражданской войны мы видели, с каким большим трудом давалось учительству понимание труда как общественного производства, подход к труду как общественному явлению и постановка задач педагогики труда в свете более общих задач воспитания строителей коммунизма. Гусовские программы приучали учительство к взгляду на труд как на трудовую деятельность людей. С этих пор учительство привыкло говорить не просто о труде, а о производстве, и слово «производство» прочно вошло в словарь народного учителя повсюду. А то обстоятельство, что несведущий в технике учитель сводил трудоведческие темы на обществоведческие, было в то же время школой упражнения учительства в понимании труда как общественного явления. Это прочно застраховало его от ошибок узкого техницизма, который с тех пор уже не имел в педагогике массовой школы своих сколько-нибудь видных защитников. Точно так же это помогло учительству в будущем сравнительно легко связывать политехническое обучение с коммунистическим воспитанием. То, что еще в 1920-1922 гг. с огромным трудом давалось даже многим передовым учителям в центре, стало через небольшое количество лет аксиомой для самого обыкновенного учителя в далекой провинции. Дело здесь конечно не в гусовских

программах только. Дело в том, что вся страна в эти годы очень сильно изменилась: прежняя Россия прочно стала Союзом Советских Социалистических Республик, строящим новые фабрики и заводы и новых людей. Теперь уже в учительской среде вряд ли нашел бы сторонников оратор, болтавший о вреде техника или сомневавшийся в выгоде машин. Сам учитель стал совершенно иным, и если в начале революции тогдашний учитель находился нередко в оппозиции к советской власти и ее мероприятиям, то теперь учитель стал общественным работником, активно помогающим советской власти в ее мероприятиях, в том числе в ее борьбе за коллективизацию, механизацию, индустриализацию, высокую технику и т.п. Еще раз: то, в чем путалось и плохо разбиралось даже наиболее передовое учительство первых лет революции, теперь являлось простой очевидной истиной для массового учителя.

В эти годы у школы развилось стремление связаться с производством, причем, порою даже перегибая палку, школа устремилась за максимально крупным и технически максимально совершенным предприятием. Теперь уже школа рвалась к производству, и где ее стремление имело результатом более тесную связь с производством, там школа гордилась этим, но чаще всего связь была лишь экскурсионной, а в лучшем случае — по линии общественной работы не связанной ни с учебными предметами в школе, ни с политехнической подготовкой учеников.

III

Советский Союз вступил в реконструктивный период. Начался этот период и для школы. В частности, школа стала очень энергично политехнизироваться.

В годы гражданской войны трудно было налаживать связь школы с производством, так как и производство было в состоянии разрухи, и учитель был чужд сознания необходимости этой связи. Теперь же производство уже было восстановлено, и учитель, уже ряд лет обучавший детей значению техники и экономики — пусть в общих чертах и порою сбивчиво, — был уже полон сознания необходимости связи с производством. И плотину прорвало — школа двинулась на производство.

Это было скорее стихийное движение, и потому не все в нем было ладно. Забывали нередко о связи производственной работы ученика с его образовательной работой. Забывали также о системе производственной подготовки его. Школа порою хваталась за любую случайную производственную работу, хотя бы она не была связана с школьной образовательной работой. Это была беда, но, как бывает, начали появляться в педагогической среде взгляды, пытавшиеся создать своего рода педагогическую идеологию из недооценки школьной образовательной работы, из стихийности, из растворения школы в производстве. Но потребность в организации систематической серьезной образовательной работы была слишком очевидна, необходимости иметь хорошую школу, дающую хорошую и политехническую, очень сильно чувствовалась, и вышеуказанные взгляды не могли получить признания. Историческое Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе положило конец пропаганде этих взглядов и указало труду его место в школе по отношению к общим задачам школы.

До тех пор труд редко где имел в школе базу в виде мастерских. Но развивающееся хозяйство страны уже дало возможность поставить вопрос об этой базе, и постановления Наркомпроса, и шефская деятельность предприятий по отношению к школе делали постепенно мастерские достоянием массовой школы. Но в этих мастерских вел ручной труд инструктор, оторванный от общей образовательной работы школы, даже в той ее части, которая имела отношение к политехнизму. Этот инструктор в прежние годы был скорее символической фигурой, указывавшей на то, что школа не забывает о труде, нежели действительным работником по политехнической подготовке учащихся. Он сам нуждался в инструктировании.

И этот инструктаж, и он, и школа в целом получали прежде всего в виде новых программ по труду, конкретизирующих содержание политехнической подготовки и систематизирующих процесс этой подготовки. Эти программы не были уже ни программами голого ручного труда, ни программами простых разговоров о труде, технике, производстве и т.п. Это были действительно «программы по политехнизму», как стало называть их учительство, пусть для первого раза и несовершенные. То, что

немногим больше десятка лет назад было общей и очень спорной идеей, теперь начинало конкретизироваться вплоть до мельчайших деталей.

Много причин, вполне понятных притом, обуславливали несовершенство этих программ и развивающейся по политехнизму новой педагогической литературы. На двух из них все же надо в особенности остановиться. Они еще не изжиты и сейчас, они и сейчас еще вредят развитию политехнической школы. Одна из них обуславливается несовершенствами современного инструктора в школе по труду. Часто это — бывший кустарь, слабо ориентирующийся в современном крупном производстве, в современной технике. Ему трудно уловить наиболее характерные черты ее. Он еще не вполне современен в этом смысле. И эта его отсталость отражается и в программном его творчестве, и в соответствующих педагогических статьях, и высказываниях его. Достаточно указать на то большое сопротивление, которое встречает именно в этих кругах наше законное стремление, основанное на указаниях Владимира Ильича, — «электрифицировать» наши программы, ввести в них должную долю электричества и учения об электричестве. Здесь предстоит еще много борьбы, да и не только здесь. Последнее постановление ЦК ВКП(б) о программах по труду возлагает на вас определенные обязательства в этом отношении.

Другая причина обуславливается соответствующими несовершенствами педагога — классного учителя. Он пока еще мало знаком с конкретным содержанием современной техники, с соответствующими работами специалистов. Эти его недостатки находят отражение в той педагогической идеологии, которая пытается это конкретное содержание заменить общими туманными фразами и, игнорируя огромнейшую работу специалистов по техническим обобщениям, пытается подменить изучение их работ наивной и в лучшем случае бессодержательной, а в худшем — научно недоброкачественной отсебятиной по поводу общей технологии, основных видов производств и т.п. Но и здесь мы уже приходим к сознанию, что так же, как педагог не может делать открытия в физике, химии и других науках, если он не специалист в этих науках, не может создавать он и технологию, если он не крупнейший специалист-технолог. Учиться технике и технологии

у научных авторитетов в этой области с тем, чтобы потом эти знания передавать детям, а не самому творить технологические обобщения, — вот его задача, а его основная проблема — организация политехнического образования. а не создание новой технологии. Критика подобных стремлений уже начинается.

15-летняя годовщина Октября настраивает не только мысль. Она настраивает также эмоционально. А эмоция возбуждает фантазию. И мне хочется статью закончить фантазией, скомбинированной из двух действительностей.

...Зал учительских летних курсов в первые годы революции. Лектор кончил лекцию о трудовой школе, и начинается беседа. Ряд недоверчивых сомневающихся лиц и ряд возражений: «Все это — утопия». Россия — страна земледельческая, и нам нечего думать об индустриализме и политехнизме», «Техника мешает душе, вредит человеку», «Ребенок чужд технике». Но вот подымается фигура энтузиаста, ненавидящего старую школу, но еще не знающего, где путь к новому: «Разрушим школу, выбросим парты и книги, дадим ребенку полную Свободу, станем в школе все делать сами для себя так, чтобы ни в ком не нуждаться. Долой белоручничество!»

И вот из тумана грядущего с надписью «Через 15 лет» вырисовывается новая школа, делающая то, что казалось утопией, действительностью. Эта школа находится среди строящихся новых городов и домов, новых фабрик и заводов, новых совхозов и колхозов с их тракторами и комбайнами. Дети с увлечением работают у станков и машин, в школьной мастерской и рабочей комнате. Но они не отбрасывают книгу, а, наоборот, с увлечением читают ее и знакомятся по ней с нашим социалистическим строительством, и с нашим догонянием, и перегонянием капиталистических стран во всем, в том числе, и в технике. И этот ребенок работает и учится, образовывается, воспитывается под руководством учительства и детских коммунистических организаций, живо чувствуя свою связь со всем происходящим вокруг него. Этот ребенок — новый гражданин социалистической страны, одновременно и трудящийся, и научно образованный сознательный гражданин.

ON THE PATH TO POLYTECHNICISM

© 2024 P.P. Blonsky

*head of the scientific and pedagogical department
Academy of Social Education,
member of the Scientific and Pedagogical section
of the State Academic Council (Moscow)*

This article is about the first decades of Soviet public education. Immediately after the revolution of 1917, the Russian school began to be rebuilt into a labor school. The appointed instructors and lecturers of pedagogical courses did not quite understand what it was, and promoted the active method and the illustrative school, which differed from the old school in teaching methods, more independent activities of students and drawing; it was good, but life demanded more. Advanced teachers strove for a labor school and tried to introduce labor, but only domestic labor, i.e. "self-service". The Marxist-minded part of the teaching staff understood perfectly well that work in the Soviet labor school should have been socially useful productive work, moreover, the 1920s were years of strengthening and development of the labor school, after which it turned out to be possible to move on to the organization of polytechnic labor training in mass schools. The school was vigorously polytechnized and received new labor programs, although at the beginning they were imperfect. The reasons for this were unprofessional labor school instructors (as a rule, a former craftsman with little knowledge of modern large-scale production and modern technology), or a classroom teacher who had not undergone special training and was unfamiliar with the specific content of modern technology and the corresponding work of specialists. The teacher's task became: to learn technique and technology from scientific authorities in this field, then transfer this knowledge to children, and not create technological generalizations himself; he had to solve the main problem - to organize polytechnic education.

Key words: the history of labor psychology, labor school, polytechnic school, labor organization, work instructor, work instructor.

The article was received: 20.06.2024. Published online: 09.07.2024.

Библиографическая ссылка на статью:

Блонский П.П. На путях к политехнизму // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2024. Т. 9. № 2. С. 234–244. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2024_31_2_010

Blonsky, P.P. (2024). Na putjah k politehnizmu [On the path to polytechnicism]. Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]. 9(2). 234–244. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2024_31_2_010

Адрес статьи: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document1024.pdf>